

**ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ГОРОДОВ ДОМЕННОЙ ЧАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
В ТРУДАХ Г. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА**

Историко-археологические исследования золотоордынских городов Нижнего Поволжья связаны с деятельностью Германа Алексеевича Федорова-Давыдова – профессора МГУ, организатора и начальника Поволжской археологической экспедиции. Масштабные раскопки нижеволжских золотоордынских городищ заложили прочный фундамент золотоордынской городской археологии. Г. А. Федоровым-Давыдовым были разработаны основные направления их изучения, которые позволили пересмотреть многие тенденциозные моменты в историографии этого средневекового государства. Усилиями ПАЭ были исследованы золотоордынские жилища, мечети, медресе и бани, система водоснабжения, погребальные комплексы. Значительное внимание уделено золотоордынскому ремеслу. В теоретическом плане заслугой Г. А. Федорова-Давыдова является рассмотрение и объяснение генезиса золотоордынских городов. Рассматривая историю существования степных городов в контексте политического развития золотоордынского государства, исследователь показал, что расцвет городской жизни приходится на момент жесткой централизации государства и сильной ханской власти. Как только она стала не способной поощрять и поддерживать ремесло и торговлю, городская жизнь пришла в упадок.

Ключевые слова: Золотая Орда, Нижнее Поволжье, домен, город, оседлость, Федоров-Давыдов, исследования.

Диапазон научных интересов специалиста по средневековой истории, археологии и нумизматике Поволжья Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000 гг.) был очень широк, но главным направлением его научного творчества стало исследование золотоордынских городов.

В 1957 г. при Институте истории материальной культуры (ныне Институт археологии РАН) АН СССР была организована Поволжская археологическая экспедиция, главной задачей которой явилось изучение золотоордынских городищ на Нижней Волге. Организаторами этой экспедиции стали А. П. Смирнов и его ученик Г. А. Федоров-Давыдов.

С 1959 г. начинается археологическое изучение нижеволжских золотоордынских городищ. До этого, за исключением раскопок А. В. Терещенко в XIX в. на Царевском городище, эпизодических работ Ф. В. Бал-

лода на некоторых золотоордынских поселениях, систематических поисков в Болгарском городище, а также незначительных исследований в Азове, Крыму, Мохше, Старом Орхее и на других объектах, крупномасштабных и целенаправленных археологических изысканий памятников эпохи Золотой Орды не проводилось [Смирнов, Федоров-Давыдов, 1959. С. 129].

В результате многолетних исследований, Г. А. Федоровым-Давыдовым и его учениками были разработаны основные направления археологического изучения золотоордынских городов. Под его руководством сложился творческий коллектив (Н. М. Булатов, В. Л. Егоров, А. Г. Мухамадиев, Ю. А. Зеленева, М. Д. Полубояринова, Э. Д. Зиливинская, Л. Т. Яблонский и др.), детально изучавший различные аспекты городской культуры, вопросы этнического состава городов Золотой Орды, их историческую гео-

графию. Материалы исследованных ПАЭ золотоордынских городов полностью опубликованы в различных научных изданиях.

В результате работ была построена классификация золотоордынских жилищ, до этого практически неизвестных. Выявлена принадлежность жилищ представителям социальных групп золотоордынского социума [Федоров-Давыдов, 1994. С. 74]. Материалы выявленных и изученных жилищ и усадеб позволили проследить степень социальной стратификации населения, группирование в едином комплексе домов, принадлежавших представителям различных социальных слоев. Кроме жилых зданий ПАЭ исследовались мечети, медресе и бани, а также система водоснабжения городов.

Было установлено, что размеры золотоордынских городских усадеб значительны и превосходят усадьбы существовавших параллельно русским средневековых городов. Г. А. Федоров-Давыдов связывает это с отсутствием в течение долгого времени оборонительных сооружений в золотоордынских городах [1998а. С. 9]. Сильная центральная власть администрации создавала такую обстановку, что города могли обойтись без фортификации. Только во второй половине XIV в., когда обострились междоусобицы, у некоторых городов Золотой Орды появились укрепления.

Исследование золотоордынских погребений дало новые данные по этнической истории и антропологии золотоордынских городов Нижнего Поволжья. По мнению Л. Т. Яблонского, во многом благодаря инициативе Г. А. Федорова-Давыдова Нижнее Поволжье в палеоантропологическом отношении стало одним из наиболее исследованных регионов России [2001. С. 29].

Значительное внимание было уделено изучению золотоордынского ремесла. Впервые была создана классификация всех видов керамических и стеклянных изделий, архитектурного декора и другого археологического материала из культурного слоя этих городов.

В теоретическом плане результатом научной деятельности Г. А. Федорова-Давыдова стало выделение и объяснение феномена золотоордынского города – городской цивилизации, возникшей в кочевой степи. Исследователь выделил и изучил следующие моменты: 1) причины и процесс перехода к оседлости центральноазиатских и восточ-

ноевропейских кочевников; 2) отличия нижеволжских золотоордынских городов от городов с традиционной оседлостью; 3) различные аспекты жизни населения городов периода расцвета Золотой Орды – культуры, быта горожан, торговли, организации ремесла, управления и т. д.; 4) причины и последствия упадка золотоордынских городов.

О кочевниках Центральной Азии Г. А. Федоров-Давыдов писал, что часть монголов издревле вела оседлый образ жизни. У них имелись навыки и традиции градостроительства и ремесел. За ними, в их тылу, была мощная городская база со столицей в Каракоруме, они управлялись сильным аппаратом принуждения и учета, сотни чиновников ведали поступающими богатствами и приводимыми рабами-ремесленниками. В степных районах Центральной Азии в начале XIII в. строились новые города чингизидов (городища Межегейское, Элегестское, Ден-Терек, Эртине-Булакские и др.) [1994. С. 6].

Г. А. Федоров-Давыдов указывает на причины перехода к оседлости кочевников Восточной Европы. В равнинных степях существовали три главные формы кочевого скотоводства: таборное – с постоянными перекочевками без длительных остановок, полукочеевое – с традиционными маршрутами и зимними стоянками, и полукочеевое, при котором бедные хозяйства ведут оседлый образ жизни, а богатые кочуют по традиционным маршрутам. Второй и третий варианты ведения кочевого скотоводства, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, были наиболее распространены в среде кочевников Восточной Европы X–XIV вв. Дифференциацию кочевников ускорял переход к оседлости, так как слабые хозяйства не могли кочевать и были вынуждены оседать на земле [1966б. С. 198–200]. Возникновение больших торговых городов также способствовало переходу кочевников к оседлости. Золотоордынские города в Нижнем Поволжье в значительной части были заселены половцами [Там же. С. 203–204].

В середине XIII в. образовалось новое монгольское государство – Улус Джучи, включавшее в себя степные пространства (Дешт-и-Кыпчак) и ряд оседлых областей (Хорезм, Волжская Булгария, Крым, Кавказ) со старыми центрами ремесла и культуры [Федоров-Давыдов, 1994. С. 7]. Областью,

которой непосредственно распоряжался сам хан и в которой кочевали его вассальные племена и роды, становится Нижнее Поволжье – «домен» Джучидского хана.

В вопросе периодизации истории градостроительства в Золотой Орде Г. А. Федоров-Давыдов соглашался с мнением В. Л. Егорова, считавшего, что первый этап в ней соответствует восстановлению и использованию старых городов (1240-е гг.), второй – началу строительства новых городов (первая половина 1250-х гг.), третий – подъему градостроительства при Берке (вторая половина 1250-х – 1360-е гг.), четвертый – замедлению роста городов (1270-е гг. – начало XIV в.), пятый – подъему градостроительства при Узбеке и Джанибеке, шестой – затуханию и упадку городской жизни (с 1360-х до 1395 гг.) [Егоров, 1985. С. 78; Федоров-Давыдов, 1994. С. 16]. Но при этом Г. А. Федоров-Давыдов подчеркивает, что дело обстояло сложнее и не одинаково в разных районах [Там же. С. 16].

Первоначально, в середине XIII в., в землях, оказавшихся в составе Великой Монгольской империи, города управлялись имперской администрацией Каракорума. Улусная кочевая аристократия оставалась в стороне от управления, получала лишь долю доходов, собираемых с городского населения. Когда встал вопрос об организации власти и эксплуатации покоренных земель, вызвавший в среде Чингизидов острую борьбу, намечаются две линии. Одна группа стремилась сохранить чисто кочевнический образ жизни и относилась к покоренным оседлым землям только как к объекту периодических грабительских походов. Другая группа аристократии, во главе которой стоял каан Мунке, считала необходимым дать возможность крестьянам и жителям завоеванных городов восстановить хозяйство с тем, чтобы они стали объектом постоянного налогового обложения [Федоров-Давыдов, 1973. С. 28–29; 1994. С. 9]. Во второй половине XIII в. аристократия Улуса Джучи больше склонялась ко второй точке зрения. Центр империи – Каракорум – со времени Мунке через свою разветвленную администрацию и откупщиков осуществлял политику покровительства оседлым землям и городам.

Реформа хана Токты в 1310–1311 гг., целью которой было упорядочение торговли и денежного дела, имела всеобщее значение

для Золотой Орды. Она вызвала повсеместную замену старых монет новыми с единым и постоянным весом [Федоров-Давыдов, 1960. С. 102–103]. Золотоордынские ханы стали интересоваться городской жизнью, создавали ремесленные мастерские, вступали в компании крупнейших торговцев, организовывали свои торговые караваны. Отделившись от власти Каракорума и став полноправными правителями в своих улусах, они с поспешностью строили новые города в Нижнем Поволжье (Сарай, Бельджамен, Увек и др.), там, где раньше была кочевая степь. Города в степном поясе возникали как форпосты власти завоевателей и центры администрации. Причем города строили в основном на месте зимних кочевий, в зимовище, т. е. в южной части этого «домена» [Федоров-Давыдов, 1966а; 1973. С. 77–78; 1983. С. 216]. Г. А. Федоров-Давыдов различает историю золотоордынских городов степной зоны и старых оседлых зон [1994. С. 16].

Ранние золотоордынские города Нижнего Поволжья создавались в монгольской традиции. Возникшие в Нижнем Поволжье Сарай и Увек в XIII в. представляли собой скопление юрт и кибиток и в редком случае – стационарные жилые сооружения.

Старые города, где хозяйственная жизнь была только приостановлена завоевателями, быстро возродились и стали в первое время главными центрами торговли и ремесла в молодом государстве. В середине XIII в. Болгар играл роль экономического и политического центра Джучидов в Поволжье. В нем в 1240–1250-х гг. чеканились новые, собственно золотоордынские монеты, сначала с именем умершего халифа ан-Насир лид-Дина, потом – великих ханов Менгу (1251–1259 гг.) и Ариг-Буги (1259–1264 гг.) [Федоров-Давыдов, 1987. С. 160–161, 163; 2003. С. 10].

Быстрый рост городов в конце XIII в. Г. А. Федоров-Давыдов связывал с временным бурным развитием рабовладельческого уклада, возрастанием доли рабского труда в общественном производстве [1983. С. 216]. Он считал, что кочевая аристократия Улуса Джучи сгоняла в Нижнее Поволжье тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгара [1994. С. 10]. Но с этим его утверждением некоторые современные исследователи не согласны. Так, по мнению Э. С. Кульпина-Губайдуллина,

массовые сгоны тысяч ремесленников в начале XIV в. в исторических документах не зафиксированы [2008. С. 80].

Причины широкого строительства новых городов на пустом месте Г. А. Федоров-Давыдов связывает с тем, что у золотоордынских ханов, видимо, «было живо воспоминание того оскорбительного положения, когда они не могли распоряжаться делами завоеванных городов и вынуждены были довольствоваться только частью налогов с покоренного населения оседлых земель. Даже освободившись от опеки Великого каана, ханы Золотой Орды с досадой вспоминали о своей былой зависимости и старые города поэтому казались им ненадежным местом. Им хотелось построить новые “ханские” города, где не надо было делить власть ни с какими баскаками или даругами от Великого каана, где они были спокойны и единовластны в своих действиях» [1973. С. 77].

Другими факторами были благоприятные природно-географические и геополитические условия. На Нижней Волге, где строились новые города, имелись удобные для земледелия пойменные низины, заросшие лесом берега рек и обширные степи, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали под своим контролем важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу [Там же. С. 78; 1994. С. 11].

В XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке золотоордынские города достигли максимального расцвета. Центрами городской жизни на Нижнем Поволжье в XIV в. были столицы «Сарай аль-Махруса» (араб. – Богохраимый дворец) и «Сарай аль-Джедид» (араб. Новый дворец).

Вопрос о том, где расположена столица Золотой Орды, довольно долго дискутировался. Он был осложнен другим вопросом: были ли в Золотой Орде два Сарая – Сарай Бату и Новый Сарай. В настоящее время существует три точки зрения: 1) было два Сарая – Старый Сарай (Селитренное городище) и Новый Сарай (Царевское городище); 2) был один Сарай – на месте Селитренного городища; Царевское городище отождествляется с Гулистаном; 3) в Золотой Орде существовали два Сарая – Сарай (Красноярское городище) и Новый Сарай (Сарай аль-Джедид).

Г. А. Федоров-Давыдов считал установленным наличие двух Сараев в Нижнем Поволжье: Сарай (Сарай аль-Махруса, Селитренное городище) и Новй Сарай (Сарай аль-Джедид, Царевское городище). По хронологии найденных на этих городищах монет первую столицу Золотой Орды – Сарай, он локализовал на месте современного Селитренного городища в Астраханской области. Царевское городище в Волгоградской области представляло остатки Нового Сарая – второй столицы Золотой Орды, возникшей как город при Узбеке, куда была перенесена столица в конце царствования этого хана, или при Джанибеке. Чеканка монет в Новом Сараяе началась только при Джанибеке с 1339/1340 г. [1973. С. 79].

«Перенос столицы в Новый Сарай при Джанибеке (или в конце правления Узбека) был вызван желанием Джучидов окончательно избавиться от пережитков XIII в. и иметь совершенно независимый, свой, исключительно “ханский”, “джучидский” город» [Там же. С. 80]. Современные специалисты отмечают, что не ясно, в силу каких именно причин от «пережитков XIII в.» понадобилось избавляться хану Узбеку в последние годы своего правления [Пачкалов, 2007. С. 175].

Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что бытующее в научной литературе мнение о большой урбанизации Золотой Орды (со 110 городами) со ссылкой на исследования В. Л. Егорова [1985] является реакцией на старое представление о Золотой Орде как о стране совсем без городов либо с небольшим их числом. Он делает замечание, что в работе В. Л. Егорова [1985] названы пункты, где встречаются золотоордынские древности вообще. Это не всегда города, реальных городов было значительно меньше [Федоров-Давыдов, 1994. С. 41].

Согласно М. Г. Крамаровскому, известно 140 идентифицированных по материалам картографии золотоордынских городов и поселений, из них в Поволжье 47 [2009. С. 574]. По мнению других исследователей, общее количество золотоордынских поселений, несомненно, больше, чем выявлено к настоящему времени [Котеньков, Котенькова, 2007. С. 184].

Г. А. Федоров-Давыдов рассматривал эволюцию системы городского управления. В XIV в. резко усилились центральная власть и ее аппарат. Положение городов

значительно отличается от того, каким оно было в XIII в., когда Джучиды не управляли оседлыми землями и городами. В городах сидели «городские даруги» – ханские наместники. По мнению исследователя, главным их занятием был сбор дани. Обычно даруга был выходцем из аристократического рода, в прошлом кочевого. Более низкое городское чиновничество – это «диван-битикчи», т. е. секретари или писцы палат, «бакши» – писцы, «тамгачи» – таможенники, сборщики налога – тамги, «тартанакчи» – весовщики, тоже таможенники или сборщики податей, «побережники» – сборщики подати с судов, пристававших к берегу, «базардэ-турханы» – блюстители порядка и надсмотрщики на базарах [1994. С. 17].

Г. А. Федоров-Давыдов заключает, что в среде кочевников степей Золотой Орды в XIII–XIV вв. ислам был очень слабо распространен, но в городах исповедовался в полном объеме. Он сохранял определенную терпимость к католическому и православному населению, а также к пережиткам язычества и монгольской ясы. Веротерпимость не являлась в Золотой Орде чем-то особенным. В Средние века она существовала и в странах классического ислама [1988. С. 37].

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, определяющим во всех областях культуры, в том числе и искусстве золотоордынских городов Нижнего Поволжья, было влияние Средней Азии. В прикладном искусстве выделяется многокрасочная поливная керамика золотоордынских городов, подражавшая среднеазиатской и иранской керамике той эпохи. Бронзолитейщики также работали в стиле, типичном для мусульманского искусства. В ювелирном деле сложился выразительный и характерный стиль украшения с применением скани и черни.

Большие общественные здания в золотоордынских городах были покрыты полихромной майоликой. Под влиянием декоративного искусства Хорезма здесь выработался яркий стиль архитектурной мозаики. Исследователь полагает, что этот стиль развивался под влиянием азербайджанского зодчества. Таким образом, монументальная архитектура городов Золотой Орды – ее декоративные формы – развивалась в соответствии с общим направлением мусульманской культовой архитектуры Средней Азии и Азербайджана [Федоров-Давыдов, 1974. С. 402].

Высокая культура золотоордынских городов являлась сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран, оказавшихся в составе Золотой Орды. Сказалось мощное влияние иранской и закавказской культур, а также традиции ремесла Крыма, Волжской Болгарии. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой культуры – прежде всего, в художественной керамике, а в других областях в значительной степени являлся механическим соединением разнородных традиций [Федоров-Давыдов, 1997. С. 101–103]. В Золотой Орде в ходе развития городов, торговли формировалась новая имперская надэтническая культура, которая явилась, по сути, культурой татарской этносоциальной общности, с выделением локально-региональных и социальных субкультур [Измайлов, 2009. С. 62].

Г. А. Федоров-Давыдов особо выделяет роль торговли в жизни Золотой Орды. Золотоордынские города были важнейшими центрами международной торговли и местами оживленного внутреннего торгового оборота. Торговле покровительствовали ханы и аристократия, которые извлекали большие доходы из торговых оборотов. Купцам ханы выдавали в некоторых случаях специальные грамоты, знаки, предоставляющие им привилегии и безопасность. Купцы в ряде случаев ссужали ханов деньгами [1998б. С. 38]. Хань не только поощряли торговлю, но и обеспечивали почтовую связь и безопасность дорог.

Золотая Орда была великой торговой державой Средневековья, и торговля велась, главным образом, в городах и через города. Первые трансконтинентальные путешествия связали Средиземноморье с Центральной Азией и Китаем. Золотая Орда пролегла между миром европейских государств Запада, славянским миром, Средней Азией и дальневосточными странами. Связующим оказался тюрко-монгольский этнос. Диалог Запада и Востока получил в XIII–XIV вв. новый мощный импульс [Там же. С. 54; 2001. С. 224].

Во второй половине XIV в. начался упадок золотоордынских городов. В западной части Орды (Ак Орде), по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, развитие феодализма в этот период привело к укреплению наследственных форм держания тарханов. Расширение практики их выдачи привело не только к укреплению экономической и военной мощи крупных феодалов, в первую очередь

улусбеков, но и к усилению их желания получить доступ к рычагам центральной власти, что неизбежно вело к обострению внутренних конфликтов и росту центробежных сил, в результате чего начинался упадок городской жизни [1973. С. 124–127]. Ученый на примере постепенной деградации жилищных усадеб на Селитренном городище характеризует упадок города, который в 1370-х гг. стал вполне явственным. Обе раскопанные здесь большие усадьбы погибли не позднее 70-х гг. XIV в. [1997. С. 96]. В 1360–1370-х гг. города перестали быть такими центрами, которые могут объединить государство. В них нет тех социальных сил, на которые эти города могли бы опереться, выставив мощного монарха и выдвинув объединительные централистские лозунги и силы [1966а. С. 32].

Выросшие в условиях покровительства со стороны ханской власти, обильно снабжавшей строительство и ремесло необходимыми ресурсами, золотоордынские города, окруженные кочевой стихией, не были столь устойчивы, как среднеазиатские города или города Ирана, возникшие давно, имевшие традиционное мелкое феодальное ремесло и крепкие связи с сельскохозяйственными оазисами, в которых они располагались.

В центральной, степной части Золотой Орды, где города были основаны почти «на пустом месте», ослабление центральной власти и быстрая смена ханов были особенно губительными. В окраинных районах Золотой Орды, где было традиционное сельскохозяйственное и городское население, города оказались более устойчивыми. Города и городская культура в целом пережили конец XIV в. и сохранились в XV в. [Федоров-Давыдов, 1973. С. 138]. После победы среднеазиатского правителя Тимура над золотоордынским ханом Токтамышем на р. Терек, войска Тимура вышли на Волгу, устроили погром золотоордынских городов. Междоусобная борьба 1360–1370-х гг. и война 1395–1396 гг. Тимура с Токтамышем, окончившаяся поражением Токтамыша, оказались губительными для золотоордынских городов [Там же. С. 160–161].

Создание империи Тимура и Тимуридов вызвало перенос основных трасс Великого шелкового пути на юг. Они вновь прошли по старым маршрутам через Среднюю Азию, Иран и Левант [Федоров-Давыдов, 2001. С. 224]. Тем самым была перекрыта важная артерия поступления доходов.

Завершая рассмотрение генезиса города и городской жизни, исследователь заключал, что в возникших в XV в. на территории Дешт-и-Кыпчака новых государственных образованиях только в Касимовском, Крымском, Казанском, Сибирском и частично в Астраханском ханствах получила значительное развитие и продолжение оседлая земледельческо-городская экономика – один из основных укладов Золотой Орды [1966а. С. 36].

Таким образом, в научно-организационном плане заслугой Г. А. Федорова-Давыдова является организация широкомасштабных раскопок на золотоордынских городищах в Нижнем Поволжье. Археологические исследования памятников золотоордынской культуры позволили выявить разнообразный материал по многим сторонам жизни средневекового населения, заполнить пробелы и раскрыть многие, до этого неизвестные страницы истории и культуры Улуса Джучи.

В теоретическом плане его заслугой является рассмотрение и объяснение генезиса золотоордынских городов. Изучая историю существования степных городов в контексте политического развития золотоордынского государства, исследователь показал, что расцвет городской жизни приходился на момент жесткой централизации государства и сильной ханской власти. Как только она стала не способной поощрять и поддерживать ремесло и торговлю (основу экономики) – городская жизнь приходила в упадок.

Список литературы

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.

Измайлов И. Л. Вещественные источники // История татар. С древнейших времен: В 7 т. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. С. 60–62.

Котеньков С. А., Котенькова О. Ю. Некоторые особенности возникновения золотоордынских городов в Астраханском крае // Взаимодействие культур, народов и цивилизаций (Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» / Под ред. А. А. Бурханова. Вып. 8). Казань, 2007. С. 180–184.

Крамаровский М. Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар. С древнейших времен: В 7 т. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. С. 567–589.

Культин-Губайдуллин Э. С. Золотая Орда: судьбы поколений (Серия «Социально-историческая история. Генезис кризисов природы и общества в России» / Под ред. Э. С. Кульпина-Губайдуллина. Вып. 28). М.: ИНСАН, 2008. 192 с.

Пачкалов А. В. Трансгрессия Каспийского моря и история Золотоордынских городов в северном Прикаспии // Взаимодействие культур, народов и цивилизаций (Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» / Под ред. А. А. Бурханова. Вып. 8). Казань, 2007. С. 171–180.

Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С. 128–134.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет (Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Изд-во МГУ, 1966а. 38 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966б. 275 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 177 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды // История искусства народов СССР. М., 1974. Т. 3: Искусство XIV–XVII веков. С. 399–402.

Федоров-Давыдов Г. А. Исторические особенности развития городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы Всесоюзного со-

вещания 13–15 мая 1981 г. Алма-Ата, 1983. С. 215–220.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 158–204.

Федоров-Давыдов Г. А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Исторический архив. М., 1988. С. 28–39.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1. С. 92–104.

Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998а. Вып. 1. С. 3–15.

Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998б. Вып. 1. С. 38–59.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Изд-во МГУ, 2001. 256 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Яблонский Л. Т. Значение материалов Поволжской археологической экспедиции для понимания проблем этногенеза народов Поволжья. // Поволжье в Средние века: Тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород, 2001. С. 29–32.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2013

I. R. Nigamatzyanov

**PROBLEM DOMAIN OF URBAN GENESIS GOLDEN HORDE IN THE INTERPRETATION
H. A. FEDOROV-DAVYDOV**

Historical and archaeological researches of Golden Horde cities in the Lower Volga region related to the activities of Herman Alekseevich Fedorov-Davydov – Professor of Moscow State University, the organizer and chief of the Volga archaeological expedition. Scale archaeological researches of Golden Horde ancient settlements of the Lower Volga region laid a firm foundation the Golden Horde urban archeology. H. A. Fedorov-Davydov developed main directions archaeological studies of the Golden Horde cities and allowed to stand in the review of many aspects of historiography biased about this state. The efforts of the Volga region archaeological expedition investigated the Golden Horde dwellings, mosques, madrassas and baths, water supply systems, burial complexes. Considerable attention is paid to the Golden Horde craft. In the theoretical plan merit of H. A. Fedorov-Davydov is to consider and explanation of the genesis of the Golden Horde cities. Scientist showed that the heyday of urban life falls on the moment of rigid centralization of the state and a strong Khan's power. As soon as she was not able to promote and support the craft and commerce, urban life fell into decay.

Keywords: Golden Horde, the Lower Volga region, Domain, city, sedentary life, H. A. Fedorov-Davydov, researches.